

**ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КОНВЕРСИВОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ**

Иванова Ирина Евгеньевна

*аспирант Педагогического института
Иркутского государственного университета,
664011, РФ, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9
E-mail: volgograd2009@mail.ru*

**THE PRAGMATIC FUNCTION OF CONVERSIVES
IN A LITERARY TEXT**

Irina Ivanova

*postgraduate student of Pedagogical Institute of Irkutsk State University,
664011, Russia, Irkutsk, street Sukhe-Batora, 9*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются лексико-грамматические и деривационные особенности лексических конверсивов, репрезентирующих идею взаимобратности в художественном тексте и формирующих его семантическое пространство. Исследуя коммуникативную составляющую художественного текста, автор приходит к выводу, что осуществляемый адресантом (автором текста) отбор лексических конверсивов способен привести к тому перлокутивному эффекту, который обусловлен речевой ситуацией, изображенной в художественном тексте.

Ввиду недостаточной разработанности теории конверсологии в современном языкознании особое внимание уделяется классификации конверсивов с позиции теории семантического отражения, согласно которой в языке выделяются неотраженные производные, неотраженные прямые, отраженные изоморфные и отраженные гомоморфные конверсивы.

Словообразовательные инструменты производности, участвующие в процессе словопроизводства неотраженной производной и отраженной конверсивной лексики (словообразовательная пара, словообразовательный квадрат, тип словообразовательного квадрата, словообразовательный формант, словообразовательное значение), по мнению автора, способны вывести на новый уровень понимания феномена конверсии в русском языке в рамках семантико-деривационного подхода в изучении конверсивов, не имевшего прецедента в русском языкознании XX в. При этом комплементарное сосуществование лексических значений конверсивов в семантической системе языка и способность их дериватов отражать либо утрачивать смысловые отношения своих производящих единиц определяют прагматическую функцию конверсивов на эксплицитном и имплицитном уровнях художественного текста.

ABSTRACT

In the article lexical, grammatical and derivational specific features of lexical conversives representing the reciprocal idea in the literary text and building its semantic space are analyzed. Studying the communicative component of the literary text, the author comes to conclusion that selection of lexical conversives implemented by the addresser (the author of the text) is able to result in that perlocutionary effect of a statement which is stipulated by the verbal situation conveyed in the literary text.

Due to insufficient status of the converse theory in linguistics, particular attention is paid to the classification of conversives from the perspective of the semantic representation theory, according to which in the language unrepresented derivative, unrepresented direct, represented isomorphic and represented homomorphic conversives are distinguished. Word building means of derivation contributing to a process of word formation of unrepresented derivative and represented converse lexis (word-formative couple, word-formative square, word-formative formant, word-formative meaning), in the author's opinion, are able to raise the level of comprehension of the conversion phenomenon in Russian within

the frame of semantic-derivational approach to converse terms studying that does not have precedents in Russian linguistics of the XX century. Herewith, complimentary co-existence of lexical meanings of conversives in the semantic system of the language and the ability of their derivatives to either represent or lose sense relations of their deriving units predefines pragmatic function of conversives on explicit and implicit levels of the literary text.

Ключевые слова: взаимообратные отношения, внетекстовые конверсивы, текстовые конверсивы, конверсивные отношения, конверсивы, неотраженные конверсивы, отраженные конверсивы, перлокутивный эффект, прагматика текста.

Keywords: the reciprocal relationship, conversives extra-textual, text conversives, converse relations, conversives, non-reflected conversives, reflected conversives, perlocutionary effect, text pragmatics.

В связи с поворотом лингвистики текста к прагматике актуализировалось внимание исследователей к функции языковых средств, отвечающих за целевую установку текста и имеющих непосредственное отношение к его декодированию. Предполагается, что отбор языковых средств имеет первостепенное значение для успешной коммуникации, отвечающей авторским интенциям [2].

В художественном тексте (далее ХТ) отбор языковых средств несет на себе печать речемыслительной деятельности автора. Однако в силу «эстетически обусловленной прагматичности» [2, с. 24] этот отбор формирует семантическую многоплановость изображаемого явления или события, его оценку и смысловые наращения и фиксирует скрытые смыслы слов, являясь объектом познавательной деятельности читателя. При этом прагматика отдельных языковых единиц не ограничивается общим прагматическим содержанием художественного текста, поскольку они (единицы языка) обладают собственным прагматическим потенциалом, базирующимся

на семантических возможностях самого языка. С учетом высказанного предположения в нашем исследовании, имеющем целью определение специфики употребления лексических конверсивов в ХТ, представляется возможным решить комплекс задач:

1. рассмотреть реализацию лингвистического феномена конверсивности в языке;
2. проанализировать особенности функционирования конверсивов в ХТ с опорой на их языковые характеристики;
3. выявить степень участия конверсивов в перлокутивном эффекте ХТ.

Последовательное решение указанных задач позволит не только послужить раскрытию прагматической природы лексических конверсивов, но и коснуться ряда спорных вопросов отечественной лексикологии, дериватологии (а в ее составе — композитологии) и собственно конверсологии — учения о конверсивах, набирающего обороты в современном языкознании. Речь идет о конверсии как самостоятельном виде лексической номинации; о деформирующих факторах словообразовательного квадрата (далее СКв); о парадигматическом взаимодействии композитивных конверсивов; о видах конверсивов, рассматриваемых с позиции теории семантического отражения, и др.

Таким образом, предварительное обращение к языковым характеристикам конверсивных отношений продиктовано, в первую очередь, неоднозначностью статуса выражаемых ими значений в современном языкознании.

Исследования отечественных лексикологов свидетельствуют о подмене в языке очевидной идеи обратности, заложенной в семантике конверсивов, о попытке замещения, а подчас вытеснения её идеей противоположности, присущей антонимам: «<...> антонимы-конверсивы не образуют исходного класса единиц. Они возникают за счет особого употребления антонимов, <...> обладающих свойством обозначать “обратные” отношения между участниками ситуации» [16, с. 254]. Подобной ситуацией относительно интерпретации конверсивов в русском языкознании еще в 1985 г. был обеспокоен известный

лингвист А.И. Моисеев: «<...> еще не ясно, что такое конверсивы — слова, синтаксические конструкции, обороты, фразы или что-либо иное. Впрочем, иногда говорят и определенно — слова, но без широкого и всестороннего обсуждения всего комплекса относящихся сюда явлений и встающих при этом вопросов столь категорический ответ воспринимается как недостаточно надежный. Нет ясности и в определении видовых признаков конверсивов» [13, с. 3]. Три десятилетия, отделяющие современную «разработку общей проблематики конверсивов» [13, с. 3] от процитированного источника, способствовали лишь фиксации термина «конверсив» в лингвистических словарях и справочниках, однако коренным образом ситуацию не изменили, а, напротив, усугубили «положение» конверсивов. Так, Л.Л. Нелюбин определяет конверсивы посредством размытого понятия «ключевое слово» в эквивалентных заменах: «Конверсивы — эквивалентные замены, при которых вместо ключевого слова используется другое, выражающее обратное отношение к субъекту действия» [15, с. 87]. Т.В. Жеребило, наряду с конверсивами *выиграть* — *проиграть*, выделяет «антонимы конверсивные» *купить* — *продать* [6, с. 35]. Справедливо отмечая, что между конверсивами *выиграть* — *проиграть* существует «конверсивная связь» [6, с. 161] (т. е. обратные отношения), Т.В. Жеребило отказывается в этой связи конверсивам *купить* — *продать*, т. к. наделяет их отношениями «противоположной направленности в их семантике» [6, с. 35], которые, собственно, и формируют обратные отношения. При этом сами лексические конверсивы, непосредственно репрезентирующие идею взаимообратности в языке, исключены из классификации конверсивов, представленной в словарной статье «Типы конверсивов» [6, с. 410], поскольку её автор ограничивается грамматическими (*строить* — *строиться*; *рассматривать* — *рассматриваться*) и словообразовательными конверсивами (*выиграть* — *проиграть*).

Другими словами, фиксация конверсивов в словарных лингвистических изданиях, на необходимость которой указывал А.И. Моисеев [13, с. 3],

не способствовала их кодификации, в результате чего конверсивы в современном русском языкознании по-прежнему включаются в антонимическую парадигму языка: «Конверсивные (или векторные) антонимы как особый тип могут быть включены в антонимическую парадигму на основании противоположной направленности их семантики» [5, с. 224], а их «особое употребление» [16, с. 254] влечет за собой семантическую перекалфикацию данного вида лексической номинации в антонимию, нарушает логику лексико-семантических отношений, деформируя представление о семантической системе русского языка, а в лингвопраксеологии граничит с ложностью высказывания, приводящей к искаженному восприятию действительности с соответствующими последствиями.

Феномен конверсии в языке заключается в возможности трансформации высказывания при сохранении его денотата и различии сигнификативных значений и реализации взаимообратных отношений. Следовательно, **конверсивами** в лингвистике именуется слова одного лексико-грамматического класса, выражающие значения, соотносящиеся с одним денотатом и создающие тем самым трансформируемые высказывания с обращенной актантной и ролевой структурой. Генезис данных отношений на грамматическом уровне просматривается в способности исходного предложения менять соотношение между семантическим и синтаксическим актантами — актантной трансформации, порождающей предложение-трансформ (производное) с использованием лексического конверсива:

Большинство граждан Российской Федерации — избиратели Владимира Путина на президентских выборах 2012 года (пример автора — И.И.) ↔ Владимир Путин — избранник большинства граждан Российской Федерации на президентских выборах 2012 года.

Конференция будет предшествовать саммиту ОБСЕ в Астане в декабре текущего года (РИА Новости. «Конференция ОБСЕ в Варшаве будет

посвящена гуманитарным проблемам», 2010) [18]. ↔ *Саммит ОБСЕ в Астане в декабре текущего года будет следовать за конференцией.*

Геннадий Богданов, директор ООО «Экспресс-Издательство» — друг и соратник забайкальского писателя Георгия Граубина (пример автора — И. И.). ↔ Забайкальский писатель Георгий Граубин — друг и соратник Геннадия Богданова, директора ООО «Экспресс-Издательство».

Елена Лефлер — мать замерзшей в канаве Анжелы Шейки (пример автора — И. И.). ↔ Замерзшая в канаве Анжела Шейка — дочь Елены Лефлер.

Эта седая женщина с мозолистыми руками, познавшими тяжелый труд, — родоначальница целой рабочей династии Папугиных, которая трудится на комбинате «Трехгорная мануфактура» (пример автора — И. И.). ↔ Рабочая династия Папугиных, которая трудится на комбинате «Трехгорная мануфактура», — потомство этой седой женщины с мозолистыми руками, познавшими тяжелый труд.

Восьмикратная чемпионка мира по биатлону Лив-Грет Пуаре — супруга восьмикратного чемпиона мира по биатлону француза Рафаэля Пуаре (пример автора — И. И.). ↔ Восьмикратный чемпион мира по биатлону француз Рафаэль Пуаре — супруг восьмикратной чемпионки мира по биатлону Лив-Грет Пуаре.

Игорь Лободин — младший брат по литературным «страданиям» и коллега по журналистской работе Льва Коренева (пример автора — И. И.). ↔ Лев Коренев — старший брат по литературным «страданиям» и коллега по журналистской работе Игоря Лободина.

Как видим, изменение направления отношений в семантической (но не в денотативной) структуре предложений, осуществляемое в результате смены субъектного ракурса участников ситуации: президентских выборов 2012 года в Российской Федерации (Владимир Путин и большинство граждан); конференции ОБСЕ в Варшаве 2010 года (конференция и саммит); дружеских (директор и писатель), родственных (Елена Лефлер и Анжела Шейка), родовых (женщина с мозолистыми руками и династия Папугиных), свойственных

(чемпионка мира и француз) и профессионально-преемственных отношений (Игорь Лободин и Лев Коренев), не только выражает обратное направление, формируя тем самым грамматическую категорию конвертируемости предложения, но и «высвечивает» пары лексических конверсивов *избиратель* — *избранник*; *предшествовать* — *следовать*; *друг* — *друг*; *соратник* — *соратник*; *мать* — *дочь*; *родоначальница* — *потомство*; *супруг* — *супруга*; *младший* — *старший*; *собрат* — *собрат*; *коллега* — *коллега*.

Смысловое объединение обнаруженных лексических параллелей возникает за счет общей семы или семантического отражения взаимообратных отношений следующих видов конверсивов:

1. **неотраженные производные конверсивы** — производные конверсивы, объединенные не в результате отражения (воспроизводства) конверсивных (взаимообратных) отношений, а посредством актуализации общей семы в процессе деривации; формально выражены разными лексемами: *избиратель* «тот, кто избирает», СТ Verb + s (-тель) (*избиратель* ← *избирать*) — *избранник* «тот, которого избирают», СТ Adj + s (-ик) (*избранник* ← *избранный*); *предшествовать* «происходить перед чем-либо», СТ pr (пред-) + Verb (предшествовать ← шествовать) — *следовать* «происходить непосредственно за чем-либо», СТ Sub + s (-ова-) (*следовать* ← *след*);

2. **неотраженные прямые («готовые») конверсивы** — непроизводные конверсивы, объединенные общей семой и формально выраженные одной лексемой (непроизводные автоконверсивы, непроизводные симметричные конверсивы) или различающиеся комплементарным противопоставлением отрицающих друг друга сем и формально выраженных разными лексемами (непроизводные асимметричные конверсивы): *друг* «человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы»; *соратник* «товарищ по битвам, оружию», «тот, кого объединяет с кем-либо общая деятельность, общие взгляды, интересы, цели»; *коллега* «товарищ по работе, профессии»; *мать* «женщина по отношению к рожденным ею детям» — *дочь* «лицо женского пола по отношению к своим родителям»; *младший* «более поздний по времени

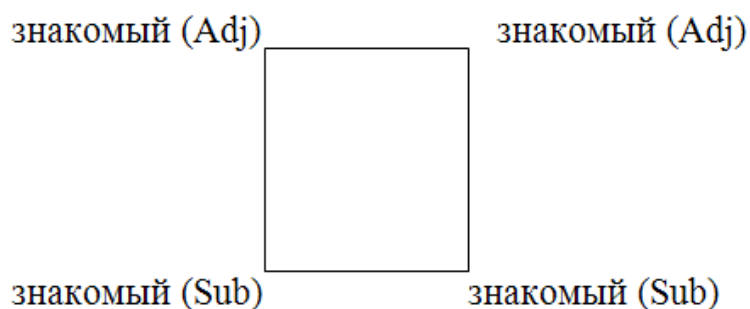
своего появления по отношению к более раннему» (во 2-м значении) — *старший* «более ранний по времени своего появления по отношению к более позднему» (во 2-м значении);

3. изоморфные отраженные конверсивы — производные конверсивы, отражающие (воспроизводящие, наследующие) конверсивные (взаимобратные) отношения своих производящих единиц в одном (при моносемантичности производящего конверсива) или нескольких (при полисемантичности производящего конверсива) лексико-семантических вариантах в процессе деривации и формально выраженные одной лексемой (изоморфные отраженные автоконверсивы, изоморфные отраженные симметричные конверсивы) или разными (изоморфные отраженные асимметричные конверсивы): *собрат* — *собрат* СТ рг (со-) + Sub_{conv} (собрат ← брат); *родоначальница* — *потомство*, СТ Sub_{comp-conv} + s (-ниц-) с усечением s (-ник-) — СТ Sub_{conv} + s (-ств-) с усечением s (-ок).

4. гомоморфные отраженные конверсивы — производные конверсивы, фрагментарно (частично, односторонне) отражающие (воспроизводящие, наследующие) конверсивные (взаимобратные) отношения своих производящих единиц в процессе деривации и формально выраженные разными лексемами: *супруг* (непроизводный конверсив) — *супруга* СТ Sub_{conv} + f_{synkr} (-а) (супруга ← супруг) (фрагментарное отражение конверсивной семантики, как правило, обусловлено производностью одного из участников конверсивной пары на базе второго непроизводного конверсива).

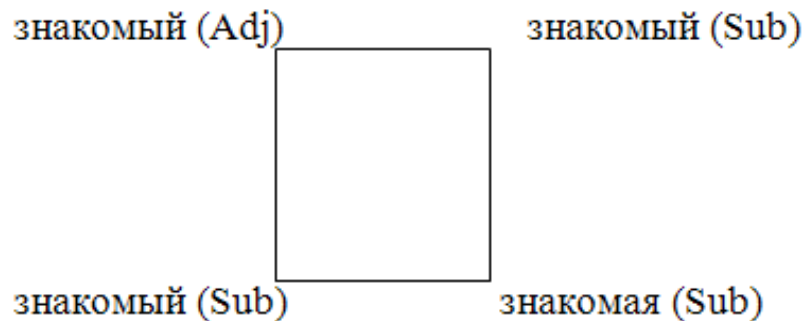
Применение лингвофилософской категории *отражение* к конверсивным отношениям в языке продолжает традицию ее применения к иным парадигматическим отношениям: омонимическим (В.В. Виноградов [3]), полисемантическим (А.Н. Тихонов [17], В.Н. Мусатов [14]), синонимическим (А.Н. Тихонов [17]), антонимическим (А.С. Пардаев [17], Л.Н. Роженцова [19], М.Н. Чупановская [23]), и вместе с тем демонстрирует качественно новый аспект конверсологии, не имеющий прецедента в русском языкознании за исключением единственной работы Л.Н. Роженцовой [20].

Схематически деривационные отношения конверсивов изображаются в виде **словообразовательного квадрата** (далее СКв), или так называемого «квадрата Гринберга» по имени одного из современных основателей лингвистической типологии Дж. Гринберга [4], который для обоснования сегментации дериватов предложил графическое обозначение квадрата: дом — стол □ дом-ик — стол-ик. Разумеется, Дж. Гринберга не интересовали смысловые отношения двух словообразовательных пар, включающих дериваты с синонимичными аффиксами и располагающихся на нижней и верхней гранях квадрата, однако в рамках нашего исследования принципиально важно, чтобы нижняя грань была представлена конверсивами, а верхняя — их производящей базой: знакомый (адъектив) — знакомый (адъектив) □ *знакомый* (суб.) — *знакомый* (суб.). Используемый прием позволяет установить словообразовательные инструменты производности (тип СКв, словообразовательную структуру конверсивов, их производящую базу, вид словообразовательного значения, способ образования, словообразовательный тип (далее СТ), словообразовательный формант и пр.) и степень отражения конверсивной семантики.

Данный квадрат является **классическим (полным, недеформированным) СКв**, поскольку включает объединение двух словообразовательных пар, расположенных на нижней и верхней гранях. Нижняя грань СКв представлена изоморфными отраженными конверсивами *знакомый* — *знакомый*, образованными субстантивацией, выражающими транспозиционное словообразовательное значение, т. к. производящая база представлена адъективными конверсивами, а производная — субстантивными.

Качественно иной тип деривационных отношений будет демонстрировать СКв, если конверсиву *знакомый* будет соответствовать конверсив, обозначающий лицо женского пола *знакомая*: знакомый (адъектив) — знакомый (суб.) □ *знакомый* (суб.) — *знакомая* (суб.):

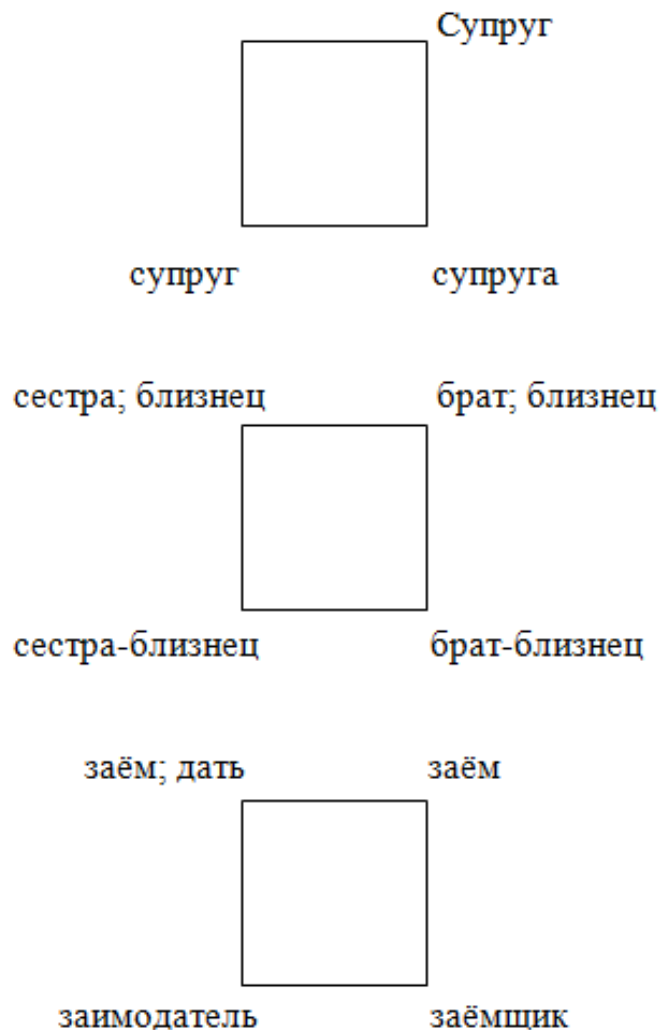

Нижняя грань такого СКв представлена неотраженными производными конверсивами *знакомый* — *знакомая*, т. к. их мотиваторы, располагающиеся на верхней грани, не являются конверсивными единицами ввиду их различной частеречной принадлежности и выражают комбинированное (модификационно-транспозиционное) словообразовательное значение.

Деформантами СКв в языке выступают непродуцируемые конверсивы, имеющие парный конверсивный дериват, образованный на базе непродуцируемого конверсного противочлена: - — кум □ кум — кума СТ $Sub_{conv} + f_{synkr}(-a)$ (кума ← кум), и композитивные конверсивы, образованные сложением основ или комбинированным (суффиксально-сложным) способом [8]: сестра; близнец — брат; близнец □ *сестра-близнец* СТ $Sub_{conv} + Sub_{conv}$ — *брат-близнец* СТ $Sub_{conv} + Sub_{conv}$ (сестра-близнец ← сестра, см. близнец; брат-близнец ← брат, см. близнец); заём; дать — заём □ *заимодатель* СТ Sub + Verb + s (-тель) — *заёмщик* СТ Sub + s (-щик) (заимодатель ← заём, см. дать; заёмщик ← заём).

Явление деформации СКв существенно дополняет типологию СКв и корректирует определение термина СКв. Так, конверсивная параллель «неотраженный непродуцируемый конверсив — гомоморфный отраженный конверсив» (*супруг* — *супруга*; *кум* — *кума*) отличает **неполный деформированный СКв** с фрагментарным (частичным, односторонним)

отражением конверсивной семантики, поскольку конверсивный дериват в данной паре наследует ту конверсивность мотиватора, которую последний реализует лишь в соединении с производным, репрезентируя СТ $\text{Sub}_{\text{conv}} + f_{\text{synkr}}(-a)$, а полирадикальные (композитивные) конверсивы, напротив, конструируют **избыточный деформированный СКв** за счет двойной словообразовательной мотивации [8], в результате чего верхняя грань СКв представлена многочленной производящей базой (трех- и четырехчленной):

Признание конверсивных отношений трансляторами взаимобратных отношений, а конверсиров — лексическими репрезентантами идеи взаимобратности в языке — имеет основополагающее значение не только для разработки лингвистической теории конверсологии, но и для лингвистики текста, определяющей текст как речевое произведение, обладающее

воздействующим (перлокутивным) эффектом на адресата благодаря языковым средствам, отобранном адресантом в соответствии с его намерениями.

Перлокутивный эффект в ХТ создается рефлексирующим (реагирующим) адресатом (читателем) и, как правило, «достигается за счёт совокупности использования <...> эмоционально-экспрессивных средств» [7, с. 5], однако ввод одного (а подчас единственного) участника конверсивной пары в текст также может задать прагматический ракурс описываемой автором взаимообратной ситуации.

Так, помещая конверсив в сильную позицию — название «Следующей» (1920), — М.И. Цветаева (1892—1941) [22] строит свой диалог с читателем, опираясь на его языковую способность выводить из текста парный субстантивный конверсив *предшествующая*:

Следующей

Святая ль ты, иль нет тебя грешнее,
Вступаешь в жизнь, иль путь твой позади, —
О, лишь люби, люби его нежнее!
Как мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сон нужнее,
И вдруг от сна объятьем не буди.

Будь вечно с ним: пусть верности научат
Тебя печаль его и нежный взор.
Будь вечно с ним: его сомненья мучат,
Коснись его движением *сестёр*.
Но, если сны безгрешностью наскучат,
Сумей зажечь чудовищный костер!

Ни с кем кивком не обменяйся смело,
В себе тоску о прошлом усыпи.
Будь той ему, кем быть я не посмела:

Его мечты боязнью не сгуби!

Будь той ему, кем быть я не сумела:

Люби без мер и до конца люби!

Различие сигнификативных значений изоморфных отраженных конверсивов *предшествующая* (суб.) — *следующая* (суб.), представляющих один СТ Sub_{conv} + s (-aj-), соотнесенных с текстовым денотатом «передачи» любви той, кем «быть» лирическая героиня «не сумела», подчеркивает трагический абсурд описываемой ситуации в мире человеческих отношений, в котором не должно быть места «следующей», однако выводимость из текста второго конверсива свидетельствует об обратном: «следующая» есть, поскольку ХТ порожден «предшествующей». Установление производящей базы конверсивов *предшествующая* — *следующая* посредством СКв также свидетельствует о существовании взаимобратной семантики данных дериватов, отразивших отношения субстантивных конверсивов *следующий* — *предшествующий* и выразивших модификационное словообразовательное значение посредством словообразовательного форманта s (-aj-): *следующий* (суб.) — *предшествующий* (суб.) □ *следующая* — *предшествующая*.

Неотраженный в силу непроемкости конверсив *сестра*, вплетенный автором уже в ткань ХТ, также выполняет свою прагматическую роль: «завещая» любовь «следующей», «предшествующая» просит «коснуться его [*любимого* — *И.И.*] движением сестер», т. к. он непременно ответит духовной любовью *брата* и сотворит новую взаимобратную ситуацию, но уже со *следующей*.

Смысловое объединение в сознании читателя непроемких конверсивов *брат* — *сестра* связано с отличительной особенностью «"получения" их опытным путем, поскольку выбор в пользу того или иного конверсного противочлена возможен лишь в результате лингвистического эксперимента, за которым стоит проверка условий функционирования конверсива для определения его грамматических, лексических и деривационных характеристик» [9, с. 79]. Данный «опытный путь» можно соотнести

с фоновыми лингвистическими знаниями читателя, заключающимися в его языковой способности выводить имплицитную, внетекстовую конверсивную парадигму за счет хранящейся в сознании читателя ассоциативной связи между разнонаправленными, но комплементарными значениями указанных конверсивных единиц, объединенных общей семой: *брат* «человек, связанный с другим человеком общим делом, дружбой, условиями существования» (во 2-м значении) — *сестра* «женщина, объединённая с кем-либо общими интересами, положением, условиями» (во 2-м значении).

При установлении внетекстовой конверсивной пары необходимо обратить внимание на лексико-семантический вариант (далее ЛСВ) конверсива, т. к. полисемия в ХТ диктует выбор разных конверсивных единиц либо, напротив, допускает недопустимую в языке трансформацию высказывания с использованием лексического конверсива в ином ЛСВ с целью игрового (людического) эффекта.

Например, взаимоотношения между Землей и лирическим героем в произведении «Земля» (1983) С. Липкина (1911—2003) [11], концептуализирующие взаимобратную ситуацию, метафорически репрезентированы автором посредством текстового конверсива *избранница* и «достроены» читателем внетекстовым конверсивом *избранник*:

Земля

Ты Господом мне завещана,
Как трон и венец — королю,
На русском, родном, — ты женщина,
На русском тебя восхваляю.
Не знаю, что с нами станется.
Но будем всегда вдвоем,
Я избран тобой, *избранница*,
Провозглашён королем.
<...>

Деривационный процесс конверсивов *избранник* — *избранница* не сопровождается процессом семантического отражения в силу их транспозиционного словообразовательного значения: *избранный* — *избранник* □ *избранник* СТ Adj + s (-ик) — *избранница* СТ Sub + s (-иц-), однако конверсивные отношения реализуются за счет совпадения ЛСВ полисемантов *избранник* — *избранница*, актуализирующихся в акте словопроизводства: *избранник* «тот, которого избирают» — *избранница* «та, которую избирают» (во 2-м значении). При этом внетекстовая конверсивная пара *избранник* одновременно является производящей базой текстового конверсива *избранница*, а это, в свою очередь, дает возможность автору сконструировать ХТ, отталкиваясь от производящей внетекстовой конверсивной единицы, выводимой читателем, одновременно наделяя его статусом сотворца ХТ, за счет чего художественная коммуникация осуществляется в режиме реального времени вневременного художественного пространства.

Иные семантические отношения с участием полисемантического конверсива *избранник* предстают в стихотворении «Я — избранник немислимой боли...» (1983) В. Блаженного (1921—1999) [1]: текстовому производному неотраженному конверсиву *избранник* соответствует внетекстовый производный неотраженный конверсив *избирательница*, т. к. участница взаимобратной ситуации — немислимая боль, метафорически избирающая лирического героя объектом нечеловеческого страдания:

Я — *избранник* немислимой боли.

Содрогается косная плоть,

Когда пригоршни колющей соли

На стези мои сыплет Господь.

<...>

Неотраженные конверсивы *избранник* — *избирательница* в СКв *избранный* — *избиратель* □ *избранник* СТ Adj + s (-ик) — *избирательница* СТ Sub + s (-ниц-) приобретают конверсивную семантику в процессе деривации

и демонстрируют разнонаправленные ЛСВ: *избранник* «тот, которого избирают» — *избирательница* «та, которая избирает».

Намеренная интеграция ЛСВ полисемантических конверсивов, порождающая недопустимые в языке трансформируемые высказывания, способна придать ХТ комический эффект, например, произведению «Человек собаке друг» (1977) М. Либина (1940—2004) [10], а конверсивы обозначить как средство реализации языковой игры:

Человек собаке *друг*,

Это знают все вокруг.

Понятно всем как дважды-два,

Нет добрее существа.

<...>

Высказывание *Человек собаке друг* имплицитно в сознании читателя исходное высказывание *Собака человеку друг*, выводя за текст не столько производный автоконверсив *друг*, сколько его ЛСВ: *друг* (текстовый конверсив) «человек, связанный с кем-либо отношениями дружбы» — *друг* (внетекстовый конверсив) «животное, преданное человеку», а несоответствие ЛСВ является средством достижения игрового эффекта.

Явление внетекстовой конверсивной соотнесенности позволяет репрезентировать текстовые и внетекстовые конверсивы, предопределяющее их прагматическую функцию на эксплицитном и имплицитном уровнях ХТ. **Текстовые (эксплицитные) конверсивы** — это лексические конверсивы, вербально выраженные автором, формирующие семантическое пространство ХТ и выражающие взаимообратные отношения изображаемого явления или описываемого события. **Внетекстовые (имплицитные) конверсивы** — лексические конверсивы, вербально не выраженные автором, но выводимые читателем из текстовых конверсивов посредством деривационных или ассоциативных операций мышления.

Текстовые и внетекстовые конверсивы, в свою очередь, подобно «системным» конверсивам, классифицируются с позиции семантической

теории отражения, заключающейся в способности «производных единиц воспроизводить с различной степенью адекватности структурно-семантические характеристики и смысловые отношения производящих их единиц» [21, с. 5], однако от «системных», языковых, конверсивов отличаются **прагматической функцией**, реализующейся в перлокутивном эффекте

- **трагического содержания;**
- **метафорического содержания;**
- **людического (игрового) содержания** и др.

Разумеется, типология перлокутивных эффектов прагматического функционирования лексических конверсивов в ХТ не ограничивается вышеуказанным перечнем и может быть существенно дополнена в силу увеличения текстового корпуса, а также «множественности художественных кодов» [12, с. 15] ХТ, т. к. ХТ — это «живой организм» [там же], обладающий «своеобразным запасом семантической прочности» [там же], дающей читателю язык, «на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении» [там же]. Однако решением этого вопроса должно стать отдельное исследование, выполненное в рамках полипарадигмального подхода к языку, способного раскрыть недостаточно исследованный в русском языкознании феномен лексической конверсии, лексико-грамматические, деривационные и прагматические характеристики которого составили предмет изучения в данной работе.

Таблица 1.

Список условных обозначений

№ п/п	Условное обозначение	Значение
1	←	графическое обозначение направления словообразовательной деривации
2	↔	графическое обозначение конверсивных отношений между предложениями (в левой части приводится исходное предложение, в правой части фиксируется производное предложение, полученное автором путем лингвистического эксперимента)
3	□	графическое обозначение словообразовательного квадрата
4	Adj	адъектив (имя прилагательное)
5	Adj _{conv}	адъективный конверсив
6	f _{synkr}	синкретичная флексия (окончание, совмещающее формо- и словообразующую функции)

7	pr (.-)	префикс (приставка)
8	Sub / суб.	субстантив (имя существительное)
9	Sub _{conv}	субстантивный конверсив
10	Sub _{comp-conv}	субстантивный композитивный конверсив
11	s (-.-), s (-..)	суффикс
12	Verb	вербум (глагол)
13	см.	смотреть (отсылка к вершине словообразовательного гнезда, в состав которого входит второй мотиватор композита)

Список литературы:

1. Блаженный В. Сораспятье. — М., 2009. — 416 с.
2. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. — Томск, 1992. — 312 с.
3. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 288—294.
4. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. — 1963. — Вып. III. — С. 60—94.
5. Диброва Е.И. Антонимическая парадигма // Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 1. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование. — М., 2006. — С. 223—227.
6. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. — Назрань, 2010. — 486 с.
7. Зимовец Н.В. Передача эмоционально-экспрессивной информации в переводном тексте : автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Белгород, 2008. — 25 с.

8. Иванова И.Е. Композитивные конверсивы как деформанты словообразовательного квадрата // Преподавание лингвистических и методических дисциплин: история, теория, практика: материалы науч.-практ. конф., посвященной 105-летию со дня рождения Марии Мефодьевны Власенко (Иркутск, 15 марта 2013 г.) / под ред. С.Н. Карамышевой. — Иркутск, 2013. — С. 33—36.
9. Иванова И.Е. Роль деривационного отражения в решении современных проблем композитологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 8. Ч. 1. — С. 78—81.
10. Песни нашего детства / под ред. М.В. Васильевой. — Челябинск, 2004. — 30 с.
11. Липкин С. Стихи из найденного блокнота // Дружба народов. — 1998. — № 9 / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1998/9/lipkin.html> (дата обращения: 04.07.2015).
12. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. — М., 1970 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://on4a.narod.ru/lotman_struktura_teksta_web.pdf (дата обращения: 04.07.2015).
13. Моисеев А.И. Термины родства и свойства как конверсивы (на материале русского языка) // Лексико-семантические группы современного русского языка: сб. науч. трудов / под ред. Ю.В. Фоменко. — Новосибирск, 1985. — С. 3—14.
14. Мусатов В.Н. Деривационные суффиксальные форманты, формирующие отраженную полисемию (на материале отглагольных существительных): монография. — М., 2012. — 207 с.
15. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. — М., 2003. — 320 с.
16. Новиков Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. — М., 1982. — 272 с.

17. Пардаев А.С., Тихонов А.Н. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики. Отраженная синонимия. Отраженная омонимия. Отраженная антонимия. — Ташкент, 1989. — 141 с.
18. Результаты поиска в газетном корпусе: предшествовать // Национальный корпус русского языка. Газетный корпус / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&myse ntsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr _tagging&lang=ru&req=%EF%F0%E5%E4%F8%E5%F1%F2%E2%EE%E2% E0%F2%FC (дата обращения: 04.07.2015).
19. Роженцова Л.Н. Словообразовательный квадрат как средство исследования антонимических отношений // Русский национальный язык и его функционирование на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока в конце XX века: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Иркутск, 6—8 октября 1999 г.) / под ред. И.В. Бойко, О.С. Гузиной, Т.И. Лукиных. — Иркутск, 1999. — С.64—71.
20. Роженцова Л.Н. Конверсия в деривационном аспекте // Материалы междунар. науч. конф. «Русский язык: Вопросы теории и инновационные методы преподавания»: в 3 ч. Ч. I. — Иркутск, 2001. — С. 146—152.
21. Роженцова Л.Н. Отражение как системообразующий фактор лексики // Известия Волгоградского пед. ун-та. Сер. «Филологические науки». — 2011. — № 2 (56). — С. 4—7.
22. Цветаева М.И. Вечерний альбом. — Спб., 2013. — 228 с.
23. Чупановская М.Н. Трансформация семантической противоположности отраженных антонимов // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер. «Язык. Культура. Коммуникация». — 2009. — № 1. — С. 68—73.

References:

1. Blazhenyj V. The «co-crucifixion». Moscow, 2009. 416 p. (In Russian).

2. Bolotnova N.S. The art text in communicative aspect and the complex analysis of units of lexical level. Tomsk, 1992. 312 p. (In Russian).
3. Vinogradov V.V. About a homonymy in the Russian lexicographic tradition. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selectas. Lexicology and lexicography]. Moscow. 1977, pp. 288—294. (In Russian).
4. Grinberg Dzh. Quantitative approach to morphological typology of languages. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. 1963, no. III, pp. 60-94. (In Russian).
5. Dibrova E.I., Kasatkin L.L., Nikolina N.A., Shheboleva I.I. The antonymous paradigm. *Sovremenniy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits* [The modern Russian language. Theory. Analysis of language units]. P. 1. Phonetics and orthoepy. Graphics and spelling. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Morphemics. Word formation. Moscow, 2006, pp. 223—227. (In Russian).
6. Zherebilo T.V. The dictionary of linguistic terms. Nazran', 2010. 486 p. (In Russian).
7. Zimovec N.V. The transfer of emotional and expressional information in the translated text. *Autopap. Dr. phil. sci. diss.* Belgorod, 2008. 25 p. (In Russian).
8. Ivanova I.E. Composites conversives as deformed of a word-formation square. *Prepodavanie lingvisticheskikh i metodicheskikh distsiplin: istoriya, teoriya, praktika* [Teaching linguistic and methodical disciplines: history, theory, practice]. Irkutsk, 2013, pp. 33—36. (In Russian).
9. Ivanova I.E. The role of derivational reflection in solving the modern problems of compositology. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of the theory and practice]. 2015, no 8, p. 1, pp. 78—81. (In Russian).
10. Vasil'eva M.V., ed. *Songs of our childhood.* Cheljabinsk, 2004, 30 p. (In Russian).

11. Lipkin S. Verses in the found notebook. Druzhba narodov [Friendship of the people]. Available at: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1998/9/lipkin.html> (accessed 04 July 2015).
12. Lotman Ju.M. The structure of the art text. Available at: http://on4a.narod.ru/lotman_struktura_teksta_web.pdf (accessed 04 July 2015).
13. Moiseev A.I. Terms of the related and peculiar relations as conversives (on Russian material). Leksiko-semanticheskie gruppy sovremennogo russkogo iazyka [Lexico-semantic groups of modern Russian]. Novosibirsk, 1985, pp. 3—14 (In Russian).
14. Musatov V.N. Derivational suffixals formants forming the reflected polysemanticism (on material of verbal nouns). Moscow, 2012, 207 p. (In Russian).
15. Neljubin L.L. The explanatory dictionary of theory of translation. Moscow, 2003, 320 p. (In Russian).
16. Novikov L.A. The semantics of Russian. Moscow, 1982, 272 p. (In Russian).
17. Pardaev A.S., Tihonov A.N. The role of nests of cognate words in the system organization of the Russian lexicon. The reflected synonymy. The reflected homonymy. The reflected antonymy. Tashkent, 1989, 141 p. (In Russian).
18. Search results in the newspaper case: *predshestvovat'* [=precede]. The National corpus of the Russian language. Newspaper corpus. Available at: http://search-beta.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&myse ntsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=paper&sort=gr _tagging&lang=ru&req=%EF%F0%E5%E4%F8%E5%F1%F2%E2%EE%E2% E0%F2%FC (accessed 04.07.2015).
19. Rozhentsova L.N. The word-formation square as means of research of the relations of antonyms. *Russkii natsional'nyi iazyk i ego funktsionirovanie na territorii Vostochnoi Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XX veka* [The Russian national language and its functioning in the territory of Eastern Siberia and the Far East at the end of the XX century]. Irkutsk, 1999, pp. 64—71. (In Russian).

20. Rozhentsova L.N. The conversion in derivational aspect. Materialy mezhdunar. nauch. konf. "Russkii iazyk: Voprosy teorii i innovatsionnye metody prepodavaniia" [Materials of the international scientific conference "Russian: Questions of the theory and innovative methods of teaching"]. P. 1, Irkutsk, 2001, pp. 146—152. (In Russian).
21. Rozhentsova L.N. The reflection as a system organizing factor of lexicon. Izvestiia Volgogradskogo ped. un-ta. Ser. «Filologicheskie nauki» [News of the Volgograd pedagogical university, series «Philological sciences»]. 2011, no. 2 (56), pp. 4—7. (In Russian).
22. Tsvetaeva M.I. The evening album. St. Petersburg, 2013, 228 p. (In Russian).
23. Chupanovskaja M.N. The transformation of semantic opposition of the reflected antonyms. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Ser. "Iazyk. Kul'tura. Kommunikatsiia" [The bulletin of Irkutsk state linguistic university, series "Language. Culture. Communication"], 2009, no. 1, pp. 68—73. (In Russian).